

ВЫРАЖЕНИЕ СУБЪЕКТНО-ПРЕДИКАТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПРЕДЛОЖЕНИИ КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ МЕНТАЛЬНОСТИ НАРОДА

Аштиани Наргес, Белорусский государственный университет

Понятие «ментальность народа» квалифицируется как базовое в когнитивной лингвистике – науке, объектом изучения которой «является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии

мира в процессе деятельности людей» [3, с. 6]. «Ментальность» является базовым понятием и лингвокультурологии – науки «о взаимодействии языка и культуры». «Ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [4, с. 49].

Бесспорным достижением когнитивной лингвистики считается разработанное учение о картине мира (концептуальной и языковой), учение о концептах, выступающих в качестве квантов знаний человека о мире, а также создание новой теории категоризации.

По мнению В. В. Колесова, человек живет в ментальном пространстве своего языка, причем ментальность – это мировосприятие через категории, формы и символы родного языка [7].

Поскольку каждый носитель языка одновременно является и носителем культуры, то языковые знаки приобретают способность выполнять функцию знаков культуры, являясь средством презентации основных установок культуры. Именно поэтому язык способен отображать культурно-национальную ментальность его носителей [5, с. 156]. Национальная языковая ментальность, в представлении современных лингвистов, воплощается: а) в ключевых концептах культуры; б) в коннотативном содержании слова; в) в специфике национально обусловленной оценки; г) в языковых структурах, например на уровне синтаксиса, синтаксических конструкций и предложений [6, с. 96].

Обобщив результаты лингвистических исследований, посвященных проблемам взаимодействия языка и культуры, Г.В. Елизарова пришла к выводу: «... Корреляции между культурными ценностями и грамматическим строем языка менее очевидны, чем корреляции между культурой и лексикой, но более значительны» [2, с. 69]. Дело в том, что грамматические категории языка в силу высокого уровня абстракции дифференцируют явления окружающей человека действительности. С помощью грамматических категорий разграничиваются такие понятия, как предмет, количество, процесс, длительность, свойство, место, причина и др. Вместе с дифференциацией явлений, от непосредственно воспринимаемых органами чувств до отвлеченных понятий, представляющих собой результат познавательной активности человека, накапливаются культурные ценности народа – носителя языка.

Показателен механизм формирования субъектно-предикатных отношений в предложении, когда устанавливаются структурно-логические связи между предметными сущностями и их актуальными для говорящего признаками (активными процессуальными, неактивными процессуальными, свойствами, качествами, количеством и т. д.).

Известно, что с учетом синтаксической типологии разграничивают языки *агентивной* и *пациентивной* ориентации. В языках первого типа преобладают синтаксические конструкции с обязательной позицией подлежащего, которую занимает наименование активного субъекта, несущего ответственность за происходящее в стране и мире, способного совершать и совершающего действия, преобразующие окружающую действительность. В языках второго типа, наряду с номинативными конструкциями, охарактеризованными выше, широко используются конструкции дативные, в которых нейтрализуется активность субъекта, изменяется его роль: происходящее в мире не всегда подвластно субъекту и зависит от его воли.

Русский язык с учетом синтаксической типологии языков принадлежит к пациентивной ориентации [1, с. 33–88]: при выражении субъективного отношения к сообщаемому носители русского языка дативную конструкцию предпочитают конструкции номинативной, если речь идет об общей оценке процесса; активно используют безличные конструкции: *Мне (хорошо) думается, пишется, дышится, живет* и т. д.; *Светает, по утрам холодно* и др. Исследователь делает вывод: ментальность русского народа допускает пассивное восприятие жизни, что выражается в формуле: не все зависит от субъекта и подчиняется его воле – некоторые события случаются без участия субъекта.

Вместе с тем тип двусоставного глагольного предложения, построенного по структурной схеме $N_1 - Vf$, долгое время считался господствующим в славянских языках, о чем свидетельствует богатая семантика, включающая и культурный компонент значения, подлежашно-сказуемых схем.

Как зафиксировано в «Русской грамматике» (1980), их общее значение «отношение между субъектом и его предикативным признаком – действием или процессуальным состоянием» детализируется в схемах, субъект которых предстает и как активный деятель, и как пассивный носитель процессуального состояния, что зависит от значения слов, занимающих позиции подлежащего и сказуемого. Действия субъекта могут замыкаться в сфере самого субъекта и могут быть направлены на объект, изменяющийся в результате действия, произведенного субъектом. Предикативный признак представляют, таким образом, конкретные физические действия, речемыслительные, волевые, интеллектуальные; действия, связанные с перемещением в пространстве, существованием, наличием, возникновением или исчезновением субъекта, его местонахождением, количественными изменениями, внутренним или внешним состоянием (физическим, психическим, эмоциональным) и т. п.

Человек, активно, целенаправленно преобразующий действительность, ценится народом, что находит отражение в иерархии

его культурных ценностей, о чем свидетельствуют фразеологические единицы языка – источник знаний о ментальности народа.

Высок «культурноносный» потенциал предложений, построенных по двукомпонентной структурной схеме $N_1 - N_1$, составное именное сказуемое которых включает слово *как* со значением сравнения. Лингвокультурологический аспект сравнения глубоко раскрыт В.А. Масловой [4, с. 144 – 192], которая установила стереотипы сравнений для носителей русского языка и русской культуры, сделала вывод о том, «что сравнения в целом представляют собой форму ценностного освоения мира, фактор внутренней детерминации поведения носителей языка» [4, с. 190]. Результаты обеих серий экспериментального исследования сравнений содержат лингвокультурологическую информацию, важную для инофонов, изучающих русский язык. Красивые глаза представители русской культуры сравнивают с небом, озером, морем, звездами, солнцем, утренней зарей, васильками, незабудками, агатами, изумрудами, бриллиантами; красивые губы – с лепестками розы, малиной, вишней, клубникой, спелой сливой; красивое лицо – с утренней зарей, рассветом, ясным днем, утром, весной; красивые, нежные руки – с южным ветром, бархатом, шелком, атласом и т. д.

Разделяем авторскую мысль о том, что «культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия» [4, с. 144], а выявление их – один из способов категоризации мира, отражающей ментальность народа, которая воплощается не только в лексической системе языка, но и в системе грамматической.

1. Вежбицкая, А. Язык, культура и познание / А. Вежбицкая. – М., 1997.
2. Елизарова, Г. В. Культура и обучение иностранным языкам / Г. В. Елизарова. – Санкт-Петербург : КАРО, 2005.
3. Маслова, В. А. Когнитивная лингвистика / В. А. Маслова. – Минск, 2005.
4. Маслова, В. А. Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М., 2010.
5. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В. А. Маслова. – М., 2008.
6. Чумак, Л. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного / Л. Н. Чумак. – Минск, 2009.
7. http://5ka.su/ref/culture/1_object9649.html.